МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИИСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
КУРГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ОМСКИЙ ФИЛИАЛ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН

ИСТОРИЯ, ЭКОНОМИКА И КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРКО-ТАТАРСКИХ ГОСУДАРСТВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
Г. КУРГАН, 22 - 23 АПРЕЛЯ 2011 ГОДА

КУРГАН 2011

УДК 94(57) "04/14" (063)
ББК 63.3 (253.3)4л0
И 90

История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Материалы Международной конференции (Курган, 21-22 апреля 2011 г.) / отв.ред. Д.Н. Маслюженко, С.Ф. Татауров. – Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2011. - 136 с.

Печатается по решению научного совета Курганского государственного университета

Рецензенты:
И.К. Загидуллин, доктор исторических наук, доцент, заведующий отделом средневековой истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ;
Н.А.Томилов, доктор исторических наук, профессор, директор Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, заведующий кафедрой этнографии и музееведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Настоящее издание представляет сборник докладов участников Всероссийской научной конференции «История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири».

В сборник включены доклады по проблемам археологии, этнографии, источниковедения и политической истории сибирских тюрко-татарских государств, а также по проблемам их взаимоотношений с Русским государством и включения Западной Сибири в его состав.

Книга предназначена для историков, археологов, этнографов, культурологов и всех интересующихся историей Западной Сибири в средние века.

ISBN 978-5-4217-0075-3

© Курганский государственный университет, 2011
© Авторы, 2011

Что касается обобщающих специальных исследований, посвященных археологическому источниковедению, то есть только одна книга «Археологические источники», вышедшая в 1978 году и переизданная в 1995 году, автором которой является Л.С. Клейн. Некоторые мысли по археологическим источникам была развиты им после выхода в свет первого издания монографии в другой обобщающей книге - «Археологическая типология». Л.С Клейн считает, что археологический источник - вещественный объект, информация о котором утрачена или пострадала. Основная специфика археологических источников – двойной разрыв между нами и людьми прошлого (в традиция), а также в объективации (разрыв между миром вещей и миром идей). В этих монографиях специфика археологических источников и вопросы их формирования рассмотрены очень подробно. С тех пор археологов новой обобщающей работой никто не порадовал.

Получается, что вопросы археологического источниковедения *археологическое сообщество признает* важными, но к их разработке относится специфично. Каждый археолог, должно быть, великолепно представляет, что такое археологические источники, но публично на эту тему практически никто не высказывается. Хотя в работах квалификационных – дипломных и диссертационных – классификация и анализ источников – необходимая часть введения, или же этим вопросам может быть посвящена специальная глава.

В целом же, можно сделать выводы, что археологические источники – суть источники вещественные, которые специалисты получают в ходе раскопок. Они созданы человеком, и отражают его деятельность и культуру. Однако, проблема археологических источников разрешена неполно.

Этнографические источники

Специалисты по источниковедению особо выделяют этнографические источники, правда, не особо их расшифровывают, считая, как, например, М.Н. Тихомиров, что область этнографических источников очень велика, что она требует особого подхода и не всегда доступна для историков без предварительного изучения этнографии. К слову сказать, это самое вразумительное, что написали классические источниковеды. Специалисты-этнографы ушли от них недалеко. Вывод же будет следующий: детального описания этнографического источника пока не сложилось. Чаще всего им считают материалы, (вещественные, изобразительные, кино-фото, анкетные и прочие), полученные во время полевых этнографических работ. То есть специфика источника определена методом его получения, что мне кажется не совсем правильным. Должны быть единые критерии для классификации материалов.

Если говорить о разработке концепции источников в целом, то вероятно, ее следует называть недостаточно разработанной. По свойству транзитивности то же самое можно сказать и об источниках по истории средневековых сибирских государств.

Возможен вариант представления источников в виде системы, в основе которой функции вещественных объектов, их описания или представления о них, а также сведения о деятельности и любого вида представлениях людей, их создавших, или ими владевших, и зафиксированных на любом носителе информации. Отметим, что в этом случае классификацию источников, основанную на методах их получения и способах кодировки информации, очевидно, следует считать пригодными для их упорядочивания и разработки процедур их изучения, и рассмотрим схему классификации источников, основанную на их происхождении и назначении.

Перейдем к ***источникам по истории государств Западной Сибири.*** Очевидно, поскольку большинство действий человека документировано каким-либо образом, они отложились и существуют в виде археологических памятников, этнографических материалов, письменных, лингвистических сведений. Особенности этих источников следующие:

- практически полное отсутствие русскоязычных письменных сведений о Сибири XV — конца XVI веков; Известия русских летописей или отдельные источники типа сказания «О человецех незнаемых в восточной стране» только подчеркивают остроту ситуации;
- тесная связь археологических и этнографических материалов. Так, многие населенные пункты, известные в конце XVI века, существуют до сих пор и являются объектами изучения этнографов. Но в то же время татарские юрты этого же времени, но оставленные прежним населением, уже археологизировались;
- лингвистические данные XV — конца XVI веков, *строго говоря, отсутствуют, но могут быть восстановлены* по более поздним сведениям;
- картографические материалы дорусской Сибири отсутствуют полностью, но могут быть восстановлены по казачьим «скаскам», чертежам С.У Ремезова, материалам, собранным в ходе академических экспедиций XVIII века.

Л.Д. Макаров
г. Ижевск

ВЯТСКИЙ КРАЙ НА КАРТАХ СИБИРИ С.У. РЕМЕЗОВА

Выдающийся русский сибирский ученый Семён Ульянович Ремезов (1642-1715) вместе со своими сыновьями оставил громадное количество рукописных чертежей различного содержания, выполненных в самых разных масштабах В их числе важнейшее значение имеют сводные чертежи, в частности «Чертежные книги», являющиеся одними из первых атласов огромных по протяженности территорий Сибири и Дальнего Востока [9, 140-141] Жизнь и деятельность С У Ремезова достаточно полно освещены А.И.Андреевым и Л.А.Гольденбергом [2; 3], отдельные сюжеты отражены в публикациях других авторов. Например, краткая характеристика произведений С.У Ремезова была дана десять лет назад А.В.Пёсянчиным [11, 81-83]. Именно атласы Семёна Ульяновича и его сыновей считаются вершиной русской картографии XVII в., это «Чертёжная книга Сибири» (1699-1701), «Хорографическая чертёжная книга» (1697-1711) и «Служебная чертежная книга» (1702-1730) [9, 140-141; 1, 22]

Государственная необходимость побудила власти поручить составление «Чертёжной книги Сибири» С.У.Ремезову в соответствии с боярским «приговором» (т.е. законодательным актом российского правительства) от 10 января 1696 г. «О снятии Чертежа Сибири на холсте с показанием в оном городов, селений, народов и расстояний между урочищами» [10, 28]. Эта и две другие чертежные книги – бесспорный результат обобщения многих предшествующих чертежей и описаний, содержавших разносторонние сведения о природных условиях разных регионов, их хозяйственном потенциале путях заселения, этнокультурных особенностях жителей края.

Надо сказать, что картографические материалы того времени были созданы практически без каких-либо инструментальных методов, хотя элементарные измерения уже проводились с помощью компаса («матки»). В то же время для обозначения растительности, болот, песков, пашен, дорог, населенных пунктов, колодцев, солеварен,

отдельных жилых сооружений, культовых мест, курганов и других элементов рельефа применялась система условных обозначений, постепенно становившаяся стандартной. Все эти перемены неизбежно выводили русские географию, геодезию и картографию на прочные научные рельсы. В петровское время наблюдается резкий скачок в этом направлении – происходит переход к масштабным картографическим работам на основе инструментальных геодезических съемок [1,22-23; 9, 147-149]. Однако изыскания С.У.Ремезова знаменовали завершающий период допетровского времени, как уже указывалось – его вершину.

«Чертёжная книга Сибири» охватывает карты Сибири и близлежащих территорий: европейского севера России, юга Сибири, прилегающих районов Китая, Японии, Казахстана и Средней Азии, 18 сибирских уездов. Чертежи преимущественно ориентированы по югу. Одна из карт ориентирована на запад и показывает север европейской части России, она озаглавлена: «Чертежъ вновь Великопермские и Поморие Печерские Идвинские Страны Досоловецкие Проливы Соокрестными Жилищи Листъ. кв.» [14, лист 22]. Западная граница данного чертежа идет по линии Москва–Ильмень–Ладога–Онега–берег Ледовитого океана; южная – Средняя Волга–р.Самара–верховья р.Тобол; восточная – Уральские горы; северная – побережье Ледовитого океана. Средняя часть чертежа (рис.1) занята территорией Волго-Камья и верховьев Северной Двины, где располагались Царство Казанское, Вятка, Уфа, Пермь Великая, Устюг Великий, а также отмеченные на карте народы – Черемиса, Вотяки, Мордва, Черемиса Горная (кроме них на южной периферии указаны Болгары, Иболымеры, Чуваши, а на юго-востоке Приуралья – Вогуличи). Отметим, что эта карта (как и прочие чертежи атласа) насыщена весьма разветвленной гидрографической сеткой и значительным числом топонимов, причем все обозначения помечены как кириллицей, так и латиницей. На чертежах указаны также элементы лесной растительности и горных массивов, а названия снабжены условными обозначениями – кириллическими литерами.

Рассматриваемый чертеж, по-видимому, никогда не анализировался специалистами по истории Вятского края, во всяком случае мне не удалось обнаружить каких-либо публикаций. Это связано, очевидно, с убеждением, что в атласе под названием «Чертёжная книга Сибири» бессмысленно искать карты европейской территории страны. Лишь в 1994 г. М.В.Гришкина опубликовала эту карту, однако какого-либо анализа ею проведено не было [4, вклейка 23]. Понятие «Вятский край» несколько условно, но в общем соответствует территории Камско-Вятского междуречья, северную часть которого некогда занимала Вятская земля (XIII – начало XVIII в.), а южную – Волжская Болгария (XIII – первая полвина XV в.), Казанское ханство (вторая половина XV – начало XVIII в.) и Казанский уезд (вторая половина XVI – начало XVIII в.). Позднее обе части были объединены в единое Вятское наместничество (1780), преобразованное потом в Вятскую губернию (1796). Но еще до этих административных преобразований конца XVIII в. север Прикамья (в т.н. Вятская и Пермская земли) был включен в состав Сибирской губернии в ходе проведения Петром I губернской реформы в 1708 г. В 1719 г. губернии поделили на провинции, в частности в Сибирской губернии появилась Вятская провинция, в которую вошли «Вятка с пригороды, Кай городок и Кунгур». В 1727 г. Вятская провинция (уже без Кунгура, переданного в 1723 г. в Соликамскую провинцию) была переподчинена в ведение Казанской губернии, в составе которой оставалась вплоть до 1780 г. [13, 139-140 (№96), 214-215 (№154); 5, 104-109].

Гидрографическая сетка на чертеже в целом отдаленно напоминает современную, но все же в значительной степени искажена, особенно это касается верховий рек Кама, Вятка, Белая, Уфа, Чусовая и др. Кроме того, нередко перепутаны названия притоков и местоположение населенных пунктов. Было бы весьма интересно выявить источники этой карты. Однако попытки обнаружить

Рис. 1. С.У.Ремезов. Чертежъ вновъ Великопермские и Поморе Печерские Идвинские страны досоловецкие проливы Соокрестными жилищи. Листъ. кв. [22]. Фрагмент

протограф данного чертежа успехом пока не увенчались. Наибольшее сходство с ним обнаруживает изображение Вятского края на карте Сибири Н.Витсена (1680-1690-е гг.) в копии Э.И.Идеса 1704 г. [8, карта XXVI]. Это пока единственная известная мне карта региона, на которой расположение городов на Средней Вятке соответствует таковому на чертеже С.У.Ремезова: (вверх по течению реки) Котельнич, Хлынов близ устья реки под названием Шестаковка (у Н. Витсена (далее – Н.В.) она без названия), которая безусловно занимает место р.Чепцы. Однако далее вверх от Хлынова по этой реке расположены г. Слободка (Н.В. – Sloboda) и г. Шестаков (Н.В. – Sestanox), т.е. оба города перемещены с верхнего течения Вятки, а там, приблизительно на месте Шестакова, помечен г. Орловец (Н.В. – Orlof). Последний перенесен от реального его местоположения (между Котельничем и Хлыновым) достаточно далеко.

Верховья р.Вятки показаны в виде слияния двух рек, между которыми отмечено название «Россохи». Очевидно так обозначено место слияния Вятки и ее правого притока р.Белой, что зафиксировано в поморских говорах [12, 505]. В настоящее время в данном междуречье расположено крупное село Залазна [6, л.55].

В южной части Вятского края достаточно достоверно расположены Алабуга (Елабуга), Сарапул и Оса, причем они отмечены как города задолго до их официально утвержденного городского статуса в 1780 г. Впрочем, в документах этого времени они иногда фигурируют как пригородки. Данную территорию пересекает пунктир, очевидно, обозначающий тракт, ведущий из Москвы через Нижний Новгород, Кокшайск, Казань, перевоз через Вятку от него, в Сарапул и далее на Осу и Кунгур к Уральским горам, где тракт поворачивает на юг и пересекает горы у истоков р.Чусовой. Любопытно, что на рассматриваемом чертеже впервые в картографических материалах указаны коренные жители Вятского края – вотяки (удмурты).

Очень подробно С.У.Ремезов аннотирует гидрографическую сетку Верхнего Прикамья, Предуралья, Северодвинского и Печорского бассейнов, довольно основательно насыщая их и названиями населенных пунктов. Думается, что к анализу этой части чертежа необходимо обратиться специально. И, конечно, поиски источников рассмотренной здесь карты нужно продолжить. Кстати говоря, содержание «Книги Большому Чертежу» (1627) относительно описания Вятского края [7, 139] в значительной мере не совпадает с данными С.У.Ремезова, что также требует своего объяснения.

Список литературы

1.Александровская О.А. Становление географической науки в России в XVIII веке. - М.: Наука, 1989. - 232 с.
2.Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. - Вып.I. XVII в. - М.; Л., 1960.
3.Гольденберг Л.А. Семён Ульянович Ремезов. - М., 1965.
4.Гришкина М.В. Удмурты. Этюды из истории IX-XIX вв. - Ижевск: Удмуртия, 1994. - 168 с.
5.История Удмуртии: Конец XV – начало XX века. - Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. - 552 с.
6.Кировская область: топографическая карта, масштаб 1:200000. 96 л.
7.Книга Большому Чертежу / Под ред. К.Н.Сербиной. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
8.Кордт В.А. Материалы по истории русской картографии. - Киев, 1906. Вторая серия. - Вып.1. - 28 с.; 26 карт.
9. Лебедев Д.М., Есаков В.А. Русские географические открытия и исследования с древних времен до 1917 года. - М.: Мысль, 1971.- 516 с.
10.Постников А.В. Развитие крупномасштабной картографии в России. - М.: Наука, 1989.
11.Псянчин А.В. Башкортостан на старых картах: история географического изучения и картографирования. - Уфа: Гилем, 2001. - 161 с.
12.Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. - Т.3 (Муза-Сят) / Пер. с нем. и доп. О.Н.Трубачева. –2-е изд., стер. - М.: Прогресс, 1987. - 832 с.
13.Хрестоматия по истории Удмуртии: В 2 т. - Т.1: Документы и материалы. 1136-1917. - Ижевск, 2007. 816 с.
14.Чертёжная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семёном Ремезовым в 1701 году. - СПб., 1882. - 23 л.

А.К. Бустанов
г.Амстердам

ЧТО ИСКАЛ И ТАК НЕ НАШЕЛ Г.Ф.МИЛЛЕР? ОБЗОР МУСУЛЬМАНСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ НАРРАТИВОВ ИЗ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Широко известны слова, сказанные великим историком Сибири Г.Ф. Миллером по поводу исторических летописей местных татар: «оные... все утрачены». И в то же время Миллер удивлялся, «как бы было оным утратиться, когда другие у них рукописные книги столь бережно хранятся?» [1, 160]. В самом деле, судя по всему, Миллер искал специальную историю Сибирского ханства, которая была бы написана самими татарами, быть может, при дворе хана Кучума, как то было характерно для среднеазиатской придворной историографии. Такими же поисками задался автор этих строк и, за исключением одного, видимо, позднего и пока что не идентифицированного сочинения «Та'рих-и Сибирийа», других подобных трудов не нашел. Не удовлетворяли требованиям Миллера хроника Абу-л-Гази «Шаджара-йи тюрки», к первому известному в науке списку которой Миллер обращался в Тобольске, очевидно потому, что Сибирский юрт не был в ней предметом специального внимания. Тем не менее, как показывает наш опыт работы с рукописями, через Миллера прошло большинство исторических нарративов сибирских мусульман, созданных ими до начала XVIII в., причем некоторые из них не были им даже упомянуты в опубликованных работах.

В первую очередь, речь идет о таких сочинениях, как «Шаджара рисаласи», список которого Миллер видел под Тобольском; сакральные истории об исламизации Сибири (в первой редакции середины XVII в.); а также обнаруженные И. Мустакимовым в портфелях Миллера три текста на фарси и тюрки, переписанные в начале XVIII под Тобольском. Все три текста – родословные, одна из которых – ни что иное как список «Рисала», повествующего о потомках святого Исхак-Баба в Средней Азии с приложением генеалогии Ширбети-шейха, отождествляемого нами с учредителем культа святых мест в Сибири при хане Кучуме.

Очевидно, что рукописей у сибирских татар было немало, однако исторические нарративы даже в эпоху Сибирского ханства, судя по всему, не были созданы. Все, что известно сегодня об исторических трудах сибирских мусульман до XVIII в., – это сакральные истории и генеалогии, почти не связанные с политической историей региона, но, тем не менее, имеющие самостоятельное значение при изучении истории ислама и сакральных семей с конца XVI в. вплоть до наших дней.

Список литературы

1. Миллер Г.Ф. История Сибири. - Т.1. - М., 1999.